

УДК 82

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ЧИСЕЛ
В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

© 2009 г.

А.Э. Гармаева

Бурятский госуниверситет

aryuhang@ Rambler.ru

Поступила в редакцию 15.02.2009

Рассматривается символика и семантика чисел в монгольских языках. Выявляются лексико-семантические поля чисел, выделяются их характеристики и специфические особенности.

Ключевые слова: Монголия, монголоведение, символика, числа, семантика, лексико-семантическое поле.

Лексико-семантическое поле (далее ЛСП) чисел в монгольских языках представляет большой интерес, поскольку является одним из важных фрагментов монгольской языковой картины мира, отражающим особенности национального мировидения. Семантическое пространство поля чисел в монгольском языке открыто для проникновения новых единиц в результате взаимодействия поля с другими лексико-семантическими полями. В настоящем исследовании выделены ЛСП, включающие числовой компонент.

Анализ символики чисел в монгольском языке позволяет выделить два условных раздела «Человек» и «Природа», каждый из которых включает соответствующие лексико-семантические поля чисел. Естественно, данные разделы связаны друг с другом, поскольку сам человек является частью окружающей его природы и взаимодействует с окружающими его географическими реалиями. Но, как известно, физический мир природы первичен, а человеческое сознание вторично, оно отражает окружающую реальность [7; 77]. В частности, числовые понятия, выражающие те или иные свойства окружающего мира, имеют определенную структуру, которую можно представить в виде своеобразных морфологических центров.

Словосочетания с числовым компонентом, отражающие особенности **человека**, могут образовывать тематически разные ЛСП. Наш материал позволил выделить три разновидности ЛСП, характеризующих человека, его духовные качества, производственную и общественную деятельность. ЛСП «Характеристика человека» включает лексические обозначения физиологических и биологических проявлений человека с использованием числовой символики.

В частности, дается характеристика частей тела, определенной совокупности, возраста, поколения. Рассмотрим содержание ЛСП «Характеристика человека» подробнее.

Описание психологических свойств, а также физиологического состояния и черт характера **человека** в монгольском языке основывается и на количественных представлениях. Как известно, этимология числа *qoyar* «два» в монгольском языке может отражаться в основах: *qoyar*, **qosi* и **qor* (*qor-in* «двадцать»), а также *gos* «пара». Следует отметить, что от последней основы на основании закона *s/l* (т.к. *s* перед *i* дает в монгольском *ui*) образуется слово с понятием состояния и характеристики человека: *qol-borqai* < *qol-ba-rqai* «вертящийся, ненадежный, двуличный», *qolmayi-* < *qol-ba-yi-* «приклеиваться» [Болд, 2004]. Далее от **qol-* образована **qol-qo-* < **qol-qa-*, входящая в свою очередь в *qol-qo-lja-* «быть переменчивым». Семантически близко к нему другое образование, именно *qol-či-r* «ветренный, легкомысленный». По мнению Г.И. Рамстедта, от монгольского *qoyar* «два» также появилось слово *qoyi-r-yu* «нерешительный» [11; 67].

Числительное *jiryuyun* «шесть» образует слово со значением определенного состояния женщины: *jirmusun* «беременная». Также общеизвестно, что *девять* месяцев мать вынашивает ребенка в утробе. С числом «девять» связано понятие «родимое пятно» (мэнгэ). Каждая из этих *девяти* родинок связана с определенным годом и цветом. Животные и люди обладают *пятью* органами чувств: зрением, обонянием, осязанием, слухом, вкусом. В теле человека насчитывается *семь* чакр – энергетических центров, в ауре различают *семь* уровней.

Следовательно, свойства психики представителя монгольского этноса могут отражаться в

числах «два», «двадцать», «пять», «шесть», «семь», «девять». Общеизвестно, что число *два* символизирует две части единого целого: мужчину и женщину, *пять* – судьбу, *шесть* – счастье, *семь* – освящение жилища, местности, *девять* – мир и согласие. В совокупности все эти числа можно трактовать следующим образом: «Судьба мужчины и женщины должна привести к счастью. Счастье человека немислимо без освящения своего жилища (здесь «освещение» выполняет функцию, закрепляющую счастье). Мир и согласие в обществе и государстве будут обеспечены в случае соблюдения людьми их порядка, обычаев и традиций».

Части тела. Числовой компонент также может использоваться в названиях частей тела человека и животных. Известно, что монгольское *qoyar* «два» образует разделительное числительное от другой основы, а именно «по два» – *qosiyarad*. Если к основе **qosi-* присоединить отглагольное имя *-yu*, то образуется слово – *qosiyu* «рыло, морда, клюв» [15; 100–101]. Число *тав(ан)* «пять» в монгольских языках можно отнести к наиболее интересным числительным, поскольку оно образовано от той же основы, что и слово *tabay* «лапа». Связь между словами *tabun* «пять» и *tabay* «лапа» или «рука» очевидна, ведь в примитивном счете, в счете по пальцам, для обозначения пяти служит пятерня [14]. Следовательно, от основы монгольского числа *tabun* «пять» образовано слово **tabay* «лапа, подошва», *tabaqai* «лапа».

По мнению Г.И. Рамстедта, монгольское *doluγan* «семь» происходит от слова *doluγa*, что означает «палец», который облизывают, т.е. «указательный палец». Исходя из этого, он утверждает, что числительное «семь» в алтайских языках происходит от слов «облизывать, есть». Также Г.И. Рамстедт сопоставляет монгольское число *arban* «десять» с калмыцким словом *арва-* «ерошиться», возводя *arban* к некоей основе *arba-* «топыриться», ибо, дойдя до десяти, монголы при счете по пальцам расставляют пальцы обеих рук [11; с. 66]. Таким образом, лексемы с числовым компонентом, обозначающие *части тела* человека и животных, у монголоязычных народов употребляются в сочетании со следующими числами: *хоёр* «два», *хори(н)* «двадцать», *тав(ан)* «пять», *тавь* «пятьдесят», *долоо(н)* «семь», *дал(ан)* «десять».

Совокупность. Наблюдения свидетельствуют о том, что те или иные числа со значением совокупности предметов, живых существ и т.д. образованы от тех же основ (или корней), что и ряд других слов, причем между всеми ними в семантическом отношении иногда очень мало

общего, особенно если некоторые промежуточные звенья в цепи значений утрачены. По мнению Г.И. Рамстедта, значение совокупности может нести монгольская основа *nei* «единственно, согласие», образующая слово *neyite* «вместе, совокупно» и происходящая от числительного *nigen* «один». В свою очередь, в старомонгольском языке от основы *nei* «единство, согласие» образуется ряд слов с маркером совокупности: *neyi-te* <*nei-te* «вместе, за одно», *neyiteger* <*nei-te-ger* «вообще, совершенно все, в совокупности», *neyid-* <*nei-d-* «соединяться, согласоваться», *neyilengkei* <*nei-le-ngkei* «вообще, все вместе» [11].

Монгольское числительное *qoyar* «два» образует ряд слов со значением парности. Например, от основы *qos* «пара, чета, двойня» образованы: *qos-qan* «парный», *qos-la-* «соединять парой, спаривать», *qos-la-l* «сочетание» и *qos-taljin* «парный». Заметим, что в монгольском языке существует несколько синонимичных слов со значением парности-совкупности: *qosiyaci(n)* < **qosi-γaci(n)* «пара, двойня», *qol-ba-* «соединять, сочетать, складывать вместе», *qol-ba-γa* «пара, чета», *qorsiya* < *qor-si-γa* «товарищ, компания» [17].

В монгольских народных произведениях также используют число *түмэн* «десять тысяч»: *...арын уулыг бүрхсэн ай түмэн адуутай, өврийн уулыг бүрхсэн үй түмэн адуутай...* «...северный склон горы, покрытый бесчисленным множеством скота, южный склон горы, покрытый чрезвычайно огромным количеством скота...» (Тунгалаг Тамир). Следовательно, маркер «совокупность с числовым компонентом» может выражаться не только в вышеупомянутых лексемах, но и в слове *түмэн*, имеющем двойное значение – числительное «десять тысяч» и особые слова, выражающие неопределенное количество *олон* «много», *маш олон* «очень много», *тоо томшгүй их* «неисчислимо».

Возраст, поколение. Возраст, поколение людей относится к важной характеристике в монгольской культуре. В традиционной культуре для обозначения данных маркеров обычно монголоязычные народы используют основы числительных с добавлением различных формантов. Так, например, интересна семантика старомонгольского числа *γицин* «тридцать». От основы данного числа образовано слово из старописьменного монгольского языка *γици* «сын правнука, праправнук». От *γици(n)* при помощи суффикса имен уменьшительных *-čar* образовано монгольское слово *γицинčar* «внук правнука», где аналогичное образование имеет монголь-

ское *döčinčer* «правнук праправнука» от *döči* «правнук правнука, сорок» [12].

В частности, числа *yurban* «тридцать» и *dörben* «четыре» можно рассматривать как производные от корня **γи* и **dö*. Итак, от **γи* образованы *γunan* или *γuna* «трехгодовалый» (самец животного) и *γunjin* «трехгодовалая» (самка животного) [2]. От **dö* образованы *döne* или *dönen* «четырёхгодовалый» (самец животного), *dönejin* «четырёхгодовалая» (самка животного), калм. *döntä* «четырёхгодовалый» (человек), *dötüger* «четвертый» (наравне с *dörbedüger*). Подобные соответствия находим в калмыцком языке, где возрастные *tülң* «пятилетний» (самец животного) и *tülң* «пятилетняя» (самка животного) восходят к **tawulan* и **tawuljin*. Также число *qoyar* «два» входит в состав калмыцкого слова «двухлетний» – *qömösta*. Таким образом, числительные в монгольских языках могут образовывать некоторые термины родства именно по нисходящей линии.

ЛСП «Духовные качества» выделяется нами на основе использования числительных для выражения собственно духовных, а также религиозных воззрений человека. *Религия* играет большую роль в традициях и обычаях монголоязычных народов. Числовой компонент в данном поле встречается очень часто. Например, число «восемь» отражает ряд существенных положений буддизма и используется ламаистской системой гаданий и предсказаний. «Восьмеричный путь» спасения, предложенный человечеству Буддой Шакьямуни, включает в себя: праведные воззрения, праведные устремления, праведную речь, праведное поведение, праведный образ жизни, праведное усердие, праведную память, праведное самоуглубление. Как известно, молитвенные четки состоят из 108 бусин. Такое количество встречается в индуистской традиции, а также у буддистов, сикхов, джайнов и практически в любой традиции, берущей свои корни в Индии.

Числовые понятия в качестве определенных символов также содержатся в разных формах *духовной культуры*: мифологии, эпосе, сказках, пословицах, поговорках и т.д.: 99 тенгриев (небесных богов), 6000 и 12 богатырей Джангара. В бурятском героическом эпосе «Гэсэр» представлены эпические сакральные единицы, пары, триады, семерки, девятки. Из одинарных чисел наиболее распространены 3, 4, 7, 9, из больших – 10, 12, 13, 23, 44, 55, 66, 73, 90, 600, 900, 1000, 1003, 10000, 40000. В монгольском эпосе о Гэсэре употребляются разные числа. Естественно, чаще всего встречаются числа, символика которых более или менее известна: 3, 5, 9, 12, 15, 18,

30, 32, 100, 108, 360, 1000. Но есть и такие числа, как 69, 71, 88, 1005, 1008, 3000, которые реже встречаются в литературно-фольклорных и культовых произведениях [18; 42–65].

В качестве иллюстрации приведем следующие примеры: *На одном верблюжьем помете поскользнулась тысяча верблюдов. Тысячи дней и ночей работают за счастье одного дня. На землю от пятидесяти пяти небесных долин Ты спустился... С указанием из пяти священнейших книг Ты спустился... От нападения злобно-черных врагов, сделанный из семидесяти козьих рогов сокрушающее – желтый лук ты имеешь* [3]. В древнем памятнике «Сокровенное сказание монголов» обнаруживается такое же изобилие лексем с числовым компонентом. Например, *Чингисхан отдал Толую Сорхатханибеки, младшую из двух дочерей Ван-ханова брата Чжаха-Гамбу, а старшую, по имени Ибахабеки, взял себе. Закончив составление тысяч, сотен и десятков, тут же стал он отбирать для себя, в дежурную стражу, кешиктенов 80 человек, кебтеулов – ночной охраны – 70 человек, а также турхаудов – дневной гвардейской стражи – 60 человек* [9].

В калмыцком эпосе «Джангар» при описании битвы Санала, эпического героя, с богатырем Одоном рассказывается о ратной силе Санала, сокрушившего врага: *Ринулся на Одона Санал / Страшный нанес Одону удар / 70 пуговиц грозной брони... / Разлетелись, как голубки*. В эпосе также прохождение восьмеричного пути связано со всевозможными страданиями. Герой должен на восьмой день встретиться с противником, который побеждает его, восьмикратные мучения побежденного в аду с последующим высвобождением оттуда [16; 82–83].

Таким образом, ЛСП «Духовные качества» представлено самыми разнообразными видами и разрядами чисел. Возможно, частотность их употребления в различных этнических культурах определила наличие числовых универсалий, в частности отход от основной счетной функции и наличие у определенных чисел дополнительных символических, ритуальных значений.

ЛСП «Производственная и общественная деятельность». В описании имущественного положения монголоязычных народов демонстрируется осмысление разных видов изобразительного, строительного и декоративного искусства, поселения людей, географические названия, числа дворов, которыми они владеют, числа животных в их табунах, предметов, использующихся в обиходе и т.д. К примеру, **γur-tösün* «толстая веревка» (собств. «трехкратный»: **γur* «три» – *tösün* «раз, крат»), *γur-musu-*

la- «утроить, сучить в три нитки», *yur-i-yu* «толщиной в три пальца». От основы числительного *jiryuyan* «шесть» происходят слова *jirmudasun* «веревка» <«двойная веревка» [6].

Герой эпоса, управляя в своей ставке, сидел за плоским сандаловым столом с восьмьюдесятью восемью ножками, разбивал вдребезги восемь ножек стола, делал печати красной краской для тысячи людей («Хаан Чингэл баатар», МАБТ, 1982, 76). Когда приходит время праздника 88-струнная тонкая арфа мелодично играет, и восходит гармония на пиру. Во время войны, когда противник подходит вплотную, восемьдесят восемь ростков, с восемью большими свернутыми локтями, черным стальным мечом дают достойное отражению противнику. Известно, что монголыязычные народы разводили пять видов скота (*табан хушуу мал*): коров, лошадей, овец, коз, верблюдов. На пять групп подразделяется по цветовой символике и употребляемая пища: белая, красная, желтая, зеленая и черная.

Изучение происхождения географических названий, их смысла, содержания – одно из основных направлений в топонимике. Топонимия этнической Бурятии дает бесценный материал для понимания осознанного восприятия природы, культуры, языка, традиций и обычаев бурятского народа, проживающих на данной территории. В рамках этой сложной проблемы важное место занимает вопрос об особенностях формирования локальной топонимической системы. Топоним с основой числительного относится к одной из ономастических универсалий [5; 3–87]. Рассмотрим топонимы с числовым компонентом у монголыязычных народов на основе географических названий Бурятии: *арбатуй* – летник в долине реки *Иро* в 20 км от села Ташир Селенгинского района. Возможно, образован от бурятского числительного *арбан* «десять» и топоформанта *-тай* [4; 190 с.].

Числовые компоненты в топонимии могут стать именами собственными, изменяя свою понятийную соотношенность и становясь индивидуализирующими знаками для выделения различных типов объектов: *арбун* – название улицы в Курумканском районе. Вероятно, его происхождение связано с эвенкийским словом *арбун* «правый берег у устья реки; пространство между двумя рукавами, протоками реки; дельта», либо можно допустить от бурятского числительного *арбан* «десять». *Десятниково* – село в Тарбагатайском районе. *Миллионный* – остров в северной оконечности Байкала (Северобайкальский район). Название образовано от числительного *миллион* [4; 190 с.].

Известно, что имя – следствие того или иного положения вещей, характерных для определенной ономастической ситуации, в которой объект практически не может быть назван никак иначе. Такие ономастические ситуации отмечались в топонимии при переходе скотоводов-кочевников к оседлому образу жизни, когда урочища (пастбища, уголья), находившиеся в местах кочевий определенных родов и составлявшие их коллективную собственность, получали названия, повторяющие имена соответствующих родоплеменных подразделений: *Наймангут* – племя, название улицы в Боханском районе Иркутской области [4; 190 с.]. Название *найман* по-монгольски значит «восемь»; очевидно *найманы* состояли из восьми племен или родов, объединение которых называлось *Найман*, *-гут* является аффиксом собирательного значения» [10; 144].

Табалангут – название села в Тункинском районе. Возможно, образуется от бурятского слова *табалан* «впятером» – «пять семей, пять родов». По мнению бурятского ученого М.Н. Мельхеева, «монгольские выходцы рода *табалангут*, пострадавшие от изнурительных войн между монгольскими и джунгарскими феодалами, в 1689 г. перешли в русское подданство, «дали шерсть» и были расселены в Приселенгинском районе, образовав *Табангутские* улусы. Это же объяснение подходит для Тункинского района» [10; 156]. Как известно, некоторые села, реки, улицы и т.д. могут быть названы в честь какого-либо праздника, например, *Первомаевка* – село в Заиграевском районе. Населенный пункт назван в честь Первого мая. Топоним образован от словосочетания *первое мая* посредством топоформанта *-(ев)ка*. *Первомайское* – село в Нукутском районе Иркутской области. Название образовано путем топонимизации прилагательного *первомайский* [4; 190 с.].

Существуют топонимы с сочетанием чисел и названием деревьев: *Долоон-Модон* – Джидинский район (от бурятского *долоон* «семь» и *модон* «дерево»). Числительное «семь» часто встречается в бурятской топонимии. *Долон-Нарасан* – улица на острове Ольхон (Ольхонский район Иркутской области). Происходит от бурятского *долоон* «семь», *нархан* «сосна». Как видим, в Бурятии очень часто встречаются географические названия с числовыми компонентами. Интересные названия даются с компонентом *сорок*: *Сорок* – правый приток реки Ока в Окинском районе. Предположительно происходит от тувинского *сору* «солонец в высокогорных местах, который посещают звери» [13; 41–48], а возможно, – от бурятского *соро(гор)* «вы-

тянутый, длинный» либо от числительного *сорок* [4; 190 с.].

В топонимах может проявляться территориальный аспект мотивировки имен собственных, где на выбор названия с числовым компонентом оказывают влияние природные условия определенной местности. Здесь отражение природных условий может быть мнимым, привнесенным современным населением. При переименовании же географических объектов наивное обращение к природным и иным особенностям территории часто создает новые названия, к сожалению, не всегда удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к топонимам. *Двухтокий* – левый приток реки Бамбуйка, левый приток реки Витим в Муйском районе. Название образовано путем сложения основ *два* и *ток* в значении «поток, течение» [4; 190 с.].

Очевидно, что топонимы с числовым компонентом многочисленны. Заметим, что большинство из них содержат названия, имеющие свою понятийную соотнесенность; топонимы в обозначении членов коллективов, также названия племенных объединений; села, реки, улицы и т.д., названные в честь какого-либо праздника; природные условия определенной местности, оказывающие влияние на названия с числовым компонентом.

Раздел **природа** представлен перечнем образцов пространственно-геометрического обозначения, временного отношения и явления природы. Роль числа, числовых моделей, абстрактных математических теорий в объяснении настоящего и открытии (предсказании) будущего путем провоцирования семантической интерпретации этих моделей, а затем и их практической реализации не вызывает какого-либо сомнения. Для выражения **пространственно-геометрических понятий** в монгольском языке используются числа *yurban* «три» и *dörben* «четыре», с добавлением форманта *-ljin* этимологизируются в следующие слова: *yurbanljin* «треугольный, треугольник, трехугольный» и *dörbeljin* «четырёхугольный, четырехугольник, четырехугольный». Во время войны, когда противник подходит вплотную, восемьдесят восемь ростков, с восемью большими свернутыми локтями, черным стальным мечом дают достойное отражение противнику.

Графическим выражением принципа единичности, как известно, является точка или вертикальная прямая линия. Однако этот внешне бедный символ внутренне чрезвычайно богат неисчерпаемыми возможностями, ибо содержит в себе все числа и все возможные обозначения геометрических фигур. Наиболее простым гра-

фическим выражением двойственности является символ, основанный на удвоении единицы (вертикальной линии) и состоящей из двух параллельных линий. Треугольник представляет собой геометрическое выражение триады и числа три. Он имеет три уровня или аспекта рассмотрения. В высшем смысле он выражает идею Троицы [6].

Квадрат является наиболее четким геометрическим выражением принципа четверичности. Керлот отмечает, что «психологическая его форма вызывает ощущение прочности и стабильности, и это служит объяснением его использования в распространенных символах организации и конструирования... Несомненно, в противоположность динамике нечетных чисел и соответствующих им геометрических форм (таких, как три, пять, треугольник или пятиугольник), четные числа и формы (например, четыре, шесть, восемь, квадрат, шестиугольник, восьмиугольник) характеризуется свойствами стабильности, прочности и определенности» [8; 274].

Пентаграмма или пятиконечная звезда представляет собой геометрическое выражение идеи пятеричности. В своем высшем смысле она символизирует собой совершенного человека, в низшем аспекте – черного мага или колдуна. Графическим выражением принципа шестеричности является шестиконечная звезда, образованная наложением двух треугольников. Графическим выражением принципа семеричности выступает соединение треугольника и квадрата, при котором либо квадрат вмещает в себя треугольник, либо наоборот вписывается в него. Геометрическим выражением принципа восьмеричности является восьмиугольник или восьмиконечная звезда. Графическим выражением принципа девятеричности является окружность.

С цифрой четыре в монгольской культуре также связано горизонтальное освоение окружающего пространства – есть четыре стороны света: север, юг, восток, запад; четыре времени года: зима, весна, лето, осень. Горизонтальное измерение пространства у бурят ориентировано на восемь сторон – четыре основные и четыре промежуточные (юго-восток, юго-запад, северо-восток и северо-запад).

ЛСП «**Временные отношения**» включает обозначения числовых величин, имеющих собственную знаковую и связанных с теми предметами, количество или свойство которых они характеризуют. В описании структуры временного отношения с числовым компонентом обращают на себя внимание несколько устойчивых числовых характеристик, повторяющихся в

самых разных контекстах. Одно из таких чисел – это число «три». Числом «три» выражается вертикальная модель мира: верх, середина, низ – Небо, Земля, преисподняя – Рай, земной мир, ад; понятия временного характера: прошлое, настоящее, будущее – три языка пламени в эмблеме Бурятии.

В бурятском, монгольском фольклоре до сих пор бытует жанр триады. Триады представляют собой поэтический афоризм, в котором заложена определенная информация, сгруппированная по признакам (цветовому, внешнему, нравственному). В неделе семь дней. Радуга представлена семью цветами, символами семи таинств, семи даров Святого Духа. Деление времени на три части часто встречается в народных произведениях монголов. Например, «Черноватая птица села на темный камень, обратившись к солнцу, пропела в течение трех дней» – отрывок из повествования Лувсанданзана «Золотое сказание» предзнаменует рождение в течение недели великого Чингисхана.

ЛСП «Явления природы» представлено обозначениями стихии, небесных светил, почв, рек, морей и т.п. Анализ ряда художественных произведений свидетельствует о том, что числа также могут быть использованы в описании явлений природы. К примеру, Дворец Далай хана, отца Данихурэла баатара, затмив солнечный свет, располагался на восьмидесяти восьми ступенях золотого субургана под вечерним закатом, мерцающим на горизонте (Данихурэл, 1986, 10, 17). В эпосе «Хан Харангуй» ставка седого хана Агь соперничает с символом Великой двойной горы с восьмьюдесятью восемью светом золотого субургана (Эрийн сайн Хан Харангуй, 1986, 20). Данные сочетания можно рассматривать как равнозначные. Заметим, что в символике цвета понятие «золотой, желтый» связывается со светом солнца.

Хонгор Танга ради того, чтобы выловить гнедого коня, крутят восемьдесят восемь раз высшую небесную звезду и также солнечную звезду крутят восемьдесят восемь раз. Вербка, которой привязывают лошадь, – это восемьдесят восемь листов сандалового дерева. Луч солнца соперничает с восьмьюдесятью восемью лучами золотого субургана. Святыней монголов является Вечное небо, и символика числа девять соотносится с небом. На самом деле этот смысл подразумевает: «девятью девять небес», «наверху девятью девять вечных небес» – под землей мир или «семьдесят семь отцов». Говорится о сущности семи – под землей мир, восьми – над землей светлое солнце, девяти

ти – над небом, все это можно объединить в трехгранное пространство [6].

В целом выявленные лексико-семантические поля чисел отличаются количественной и качественной характеристикой как в отношении использования тех или иных чисел, так и отражения каких-либо явлений действительности. В частности ряд числительных в пределах от одного до четырех имеет семью слов с самыми разнообразными значениями, вытекающими из понятий единичности, парности и т.д. Причем сюда же относятся некоторые термины родства по нисходящей линии, названия племенных объединений; села, реки, улицы и т.д., названные в честь какого-либо праздника; природные условия определенной местности, оказывающие влияние на названия с числовым компонентом.

Примечания

1. Полное наименование сокращений из списка литературы:

БГУ – Бурятский государственный университет;

ВСГАКИ – Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств;

ЗабГГПУ – Забайкальский государственный гуманитарный педагогический университет;

МУИС – Монгол улсын их сургууль (Монгольский государственный университет).

2. В списке литературы также приводятся источники на монгольском языке. Их перевод выглядит следующим образом:

Болд Л. Түрэг, монгол хэлний үндсэн тооны нэрийн гарлын болон бүтцийн харьцуулсан судалгаа. Сөүл, 2004. – Болд Л. Исследование структуры количественных числительных в тюркских и монгольских языках. Сеул, 2004.

Дулам С. Монгол бэлгэдэл зүй. Тоны бэлгэдэл зүй. Улаан-Батор: МУИС, 1999. Бүлэг 1. 210 х. – Дулам С. Монгольская символика. Символика чисел. Улан-Батор: Изд-во Монгольского государственного университета, 1999. Ч. 1. 210 с.

Список литературы

1. Ангархаев А.Л. Происхождение монгольских народов в свете мифо-поэтических традиций Центральной Азии. Улан-Удэ, 2005. С. 63–77.

2. Болд Л. Түрэг, монгол хэлний үндсэн тооны нэрийн гарлын болон бүтцийн харьцуулсан судалгаа. Сөүл, 2004.

3. Гэсэр. Бурятский героический эпос. Улан-Удэ, 1986. Т.1.

4. Дамбуев И.А., Манжуева Ю.Ф., Ринчинова А.В. Топонимический словарь этнической Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2007. 190 с.

5. Доржиева Г.С. Топонимия Королевской дороги Квебека (Квебек, Канада) // Учебное пособие. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. 196 с.

6. Дулам С. Монгол бэлгэдэл зүй. Тоны бэлгэдэл зүй. Улаан-Батор: МУИС, 1999. Бүлэг 1. 210 х.
7. Жамсаранова Р.Г., Шулунова Л.В. Топонимия Восточного Забайкалья. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2003. 128 с.
8. Керлот Х.Э. Словарь символов: мифология, магия, психоанализ. М., 1994. С. 274.
9. Козин С.А. Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ, 1990.
10. Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ, 1969. С. 144–156.
11. Рамстедт Г.Д. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Хельсинки, 1957. 237 с.
12. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978. С. 111–167.
13. Рассадин В.И. Система гидронимов бассейна р. Ока // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ, 1987. С. 41–48.
14. Рассадин В.И. О характере влияния тюркских языков на монгольские языки в разные эпохи. Улан-Батор, 2001.
15. Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005. С. 256.
16. Сельвина Р.Л. Отражение древней числовой символики в калмыцкой антропонимике // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983. С. 73–84.
17. Трофимова С.М. Именные части речи в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2001. 336 с.
18. Хундаева Е.О. Бурятский эпос о Гэсэре: символы и традиции. Улан-Удэ, 2006. С. 42–97.

LEXICO-SEMANTIC FIELDS OF NUMBERS IN MONGOLIC LANGUAGES

A.E. Garmaeva

The symbolism and semantics of numbers in Mongolic languages are investigated. Lexico-semantic fields of numbers are revealed, their characteristics and specific features are described.

Keywords: Mongolia, Mongol studies, symbolism, numbers, semantics, monglistics, lexico-semantic fields.